

ПОДЛИННАЯ ЖИЗНЬ ДЕНИСА КОРАБЛЕВА

ФРАГМЕНТ КНИГИ

—
ДЕНИС ДРАГУНСКИЙ
Писатель и журналист, автор
книг «Фабрика прозы»,
«Обманщины», «Дочь любимой
женщины», «Соседская
девочка» и многих других.
Сын писателя Винтора
Драгунского, создателя
знаменитых «Денисиних
рассказов».

Книга, иллюстрированная уникальными фотографиями из семейного архива, выходит в августе 2023 года в «Редакции Елены Шубиной».

«Подлинная жизнь Дениса Кораблева» – путешествие вглубь себя, диалог со своим литературным двойником. Почти автобиографический роман, искренний и беспощадный к самому себе. Про семью, про детство и взросление в Москве 1950–60-х годов, про двор, велосипед и отцовскую «Волгу», про папу с мамой и круг их друзей (от знаменитых писателей до скромных одноклассников); про квартиру в Каретном Ряду и дом в писательском поселке, про дачных и школьных приятелей, про первые влюбленности, про зависть, жалость, глупость и счастье.

Про выдуманного Виктором Драгунским веселого мальчишку Дениску Кораблева – и про настоящего Дениса Драгунского, которого с ним часто путают.

Денис Кораблев – это всего лишь скопление фраз, слов, букв, запятых и пробелов. Но при этом он абсолютно реален. А вот насколько реален я сам? Кто я? «Дениска из рассказов» или Денис Викторович Драгунский? Или оба сразу?

Денис Драгунский

8. Улица Грановского

Итак, в 1957 году, в начале лета, мы переехали в квартиру 67 по адресу: улица Грановского, дом 3. Полуподвальная коммуналка. В комнате всегда было жарко – под окном вместо батарей проходили две очень толстые оштукатуренные и покрашенные отопительные трубы. Поэтому у нас всегда была приоткрыта форточка. В эту форточку доносилось курлыканье голубей, звонкое блямканье, шлепанье или постукивание каких-то вещей, которые жильцы, случалось, роняли из окон верхних этажей – когда монетку, когда пустой спичечный коробок. Иногда слышались шаги редких прохожих. Редких – потому что окно нашей комнаты выходило во двор. Я придвигал табуретку и, положив подбородок на крашеную доску подоконника, смотрел на голубей, поднимая глаза, потому что линия земли была чуточку выше линии подоконника.

Вот поэтому, дорогие читатели и читательницы, Дениска Кораблев никак не мог выбросить манную кашу из окна. Ах, этот бесконечный вопрос: «Денис Викторович, а вы правда кашу из окна выливали?» – вопрос, который задавали мне и дети друзей, и знакомые ребята, и школьники во время встреч, посвященных «Денискиным рассказам». И даже, представьте себе, участники

весьма серьезной научной конференции. Вот я заканчиваю доклад и спрашиваю: «Вопросы есть?» Трехсекундная пауза – и поднимается рука: «Денис Викторович, простите, вопрос не по теме, но все-таки. Вы правда кашу из окна выливали?»

Нет, ребята, неправда. В этом чуть ли не самым знаменитом Денискином рассказе отразилась папина мечта об отдельной квартире. Недаром там сказано (милиционер говорит): «Государство предоставляет вам новое жилье, со всеми удобствами и, между прочим, с мусоропроводом, а вы выливаете разную гадость за окно!» Мечты жителя комнаты в подвальной коммуналке. Мечты, мечты! Мой бедный папа к тому времени не умел жить в отдельной квартире и не представлял себе, как эта жизнь устроена. И поэтому в знаменитом рассказе под названием «Тайное становится явным» мама приносит Дениске кашу в комнату, а потом уходит на кухню. И тут-то Дениска начинает эксперименты с солью, перцем, хреном и кипятком, а потом в отчаянии выбрасывает кашу на улицу. Но это же была квартира скромного советского инженера – а именно инженером и был папа Кораблев, согласно рассказам («папа на заводе», «к папе пришли какие-то люди с чертежами» и т. п.)! Разве у простого советского инженера могла быть квартира, в которой есть столовая, как говорится, «с подачей»? То есть столовая, куда еду носят из кухни. Конечно же, нет! Ведь в советских квартирах, если это не был какой-нибудь особенный праздник, завтракали, обедали и ужинали всей семьей на кухне. И уж сына кашей кормили, конечно, там же. Еще папа, наверное, плохо представлял себе, что такое мусоропровод. Слово знал, а в квартире с мусоропроводом не жил. Поэтому и написал про выливание каши в мусоропровод, что на самом деле штука совершенно невозможная, как говорится, по техническим причинам. Вот по этим же самым техническим причинам я не выливал кашу в окно.

Окно было открыто, и из него часто пахло бензином и доносился тихий и серьезный, нежно рокочущий звук моторов. Потому что это были не грузовики и не какие-нибудь тархтелки типа «Москвичей» или трофейных бээмвэшек, а огромные советские лимузины малого тиража и ручной сборки, ЗИМы и ЗИСы, на которых ездили наши соседи с верхних этажей: маршалы Голиков и Конев, тетя Катя Фурцева (это я только про наш подъезд рассказываю), ну и прочие руководящие или прославленные войной товарищи вроде Молотова, Косыгина и Рокоссовского. Улица Грановского

была узкой, поэтому машины часто подавались к черному ходу. И вот маршал Голиков, маленький, в сапогах на высоких каблуках, спускался черным ходом.

Мне нравился запах бензина. В рассказе «Что я люблю» написано: «Я очень люблю стоять позади автомобиля, когда он фырчит, и нюхать бензин». Мои друзья, уже во взрослом возрасте, смеялись: а ты, оказывается, с детства нюхач. Ну хорошо, нюхач, ладно. Запах был очень нежный и чуточку пьянящий, а машины были черные, отмытые до зеркального блеска. В них отражалось небо, дом со всеми карнизами и завитушками и я, стоящий рядом с шофером и допрашивающий его, сколько лошадиных сил и какая скорость. Шоферы этих министерско-маршальских лимузинов никогда меня не шугали. Очевидно, они не могли понять, кто я. Моя, так сказать, социальная определенность была для них не вполне ясна. Мытая голова и чистые ногти не позволяли отнести меня к категории «дворников». В нашей стране всеобщего равенства и диктатуры пролетариата во дворе дома 3 по улице Грановского все дети делились четко, ну или почти четко, на две категории: «дворники» и «принцы». Дворники – это дети из подвальных коммуналок. Их – то есть нас – там было довольно много. Наверное, не меньше шести, а то и восемь ребят. С точки зрения хладнокровной социологии это было правильно, потому что в подвалах, как при царе, так и при советской власти, жила, за мельчайшими исключениями, челядь, прислуга – то есть те самые дворники. Ну а про принцев все понятно. Надобно только сделать одно уточнение: делили детей на принцев и дворников отнюдь не принцы, а именно что дворники. Принцы-то как раз были очень демократичны. Они звали нас (дворников) к себе в гости и приходили в гости к нам. У меня есть несколько фотографий, где в нашей подвальной комнате рядом с Мишкой и Аленкой – о них речь впереди – стоят внуки легендарных наркомов, которые спускались сюда, в нашу норку, из своего поднебесья. Поэтому принцев мне упрекнуть не в чем. Они были демократичны, насколько сил хватало. Тем более что их воспитывали очень строгие в этом смысле мама и папа, бабушка и дедушка.

Помню, как за меня заступилась мама Сашки Голикова, маршальского внука. История была смешная. Моя мама в те годы работала в ансамбле «Березка», но не танцовщицей, а ведущей программ. Выходила вся такая русская красавица

в сверкающем длинном платье, кокошнике и с накладными желтыми косами и говорила что-то вроде «начинаем наш концерт» – на всех языках, кстати говоря. Приезжая в какую-то страну, мама с помощью посольских выучивала приветствие и названия номеров. Помню, как она говорила по-гречески: «Архизуме ти синавлиа кратику хо-реографику сингротиматос Бериозка». Я выучил всю эту фразу еще в шесть лет, наверное. Смешно, что греческий язык потом стал моей специальностью. Вряд ли из-за этого, хотя – кто знает.

Так вот, мама ездила в Египет и привезла мне оттуда настоящую маленькую дубленку. Представьте себе, как бы все мне завидовали, как бы все ахали и облизывались, если бы я, шестилетний мальчик, вышел во двор гулять в настоящей дубленке году эдак в 1977-м. Я бы сразу превратился в принца. И мама какой-нибудь принцессы из соседней песочницы тут же побежала бы знакомить со мной свою дочку. Но дело было не в 1977 году, а в 1957-м. Поэтому во дворе меня обступили ребята и стали кричать: «Ой ты, тулуп! Деревенский тулуп, колхозник, колхозник, колхозник!» Услышав этот крик, проходившая по двору мама Сашки Голикова подбежала и закричала: «А ну-ка брысь, а ну-ка хватит, как вам не стыдно! Прекратите немедленно!» – потому что она увидела, как богатые городские ребята дразнят и травят, говоря по-нынешнему, буллят, бедного деревенского мальчонку. Тут она узнала меня и сказала: «Ах, это ты, Денис», – погладила меня по голове, вернее, по шерстяной лыжной шапочке, улыбнулась и сказала: «А ты и правда как будто мужичок с ноготок. Такой забавный тулупчик». – «Это не тулупчик, – мрачно сказал я. – Эту зимнюю шубу мама мне из Египта привезла». Но добрая тетя погладила меня еще раз по голове и ушла по своим делам. А я стал мечтать о нормальном драповом пальтишке с маленьким цигейковым воротничком, как у всех. Я даже однажды поделился этой мечтой с мамой, но мама сказала: «Не говори глупостей. Такого ни у кого нет, пусть они тебе завидуют».

Дворниками называли мы себя сами. Именно мы понимали, ощущали и старались соблюдать социальную дистанцию в настоящем смысле слова – не санитарную, как при ковиде, а именно общественную. Оно и понятно. Демократизм – это чувство, которое распространяется сверху вниз. Можно сказать «директор демократично разговаривал с уборщицей», «министр демократично пожал руку лифтеру», но наоборот не получается. Можно

дерзко, можно с чувством собственного достоинства, можно, наоборот, льстиво или униженно, то только не демократично. Когда ты живешь в восьмикомнатной квартире на третьем этаже, тебе легко демократично спуститься в подвал и демократично бегать по коридору коммуналки вместе со своим товарищем. Наоборот – не получается. Поэтому мы шепотом называли принцев принцами, а своих братьев по классу – дворниками. Иногда мне кажется, что принцы это прекрасно знали, но – воспитанные и вежливые ребята – просто не подавали вида.

Знали это и шоферы лимузинов. Поэтому они могли запросто шугануть дворника (я не раз это видел), но при этом вежливо улыбаться принцу. А я находился где-то посерединке. Дворника опознавали по немой патлатой голове и по «собачьему трауру» – так мои мама и бабушка называли черную каемку под ногтями. А я, повторяю, был хоть и в скромной курточке, но чистенький. Поэтому и шоферы подробно отвечали на мои дурацкие вопросы о ходовых качествах автомобиля. Своего рода «пари Паскаля»: мы точно не знаем, есть Бог или Бога нет, но на всякий случай выгоднее ходить в церковь и ставить свечки. Потому что если Бога нет, то ты проиграешь сто франков, а если Бог есть, то выиграешь райское блаженство.

«Барские», как мы их называли, квартиры имели два выхода – парадный и черный. Бывал я и в парадном, роскошном, с мраморными лестницами, покрытыми темно-малиновым ковром, который на каждой ступеньке пришиплен был латунным прутком с двумя зеркально начищенными шариками на концах. Дубовые перила, изящные, кажется, тоже латунные балясины. Зеркальная дверь лифта, высоченные двустворчатые двери квартир. Конечно, лифтер или лифтерша. Топтуны стояли на улице, в подъезды не заходили. Разве что в сильный мороз. Лифтерша тетя Дуся из нашего подъезда рассказывала маме, как она сына своего от армии, говоря нынешними словами, отмазала. «Сижу и плачу. Как дверь хлопнет, начинаю плакать. И вот раз мимо меня Конев идет. Конева знаешь? Такой харятый (то есть широколицый). Чего, Дуся, говорит, плачешь? Да так, говорю, Иван Семеныч, ничего. А на второй и на третий день опять. Наконец он меня спрашивает: “Ну, Дусь, расскажи, что да как”. Добрый был мужик, из простых. Я ему говорю: “Сереньку в армию забрали”. (Не забрали, а “забрали”. Тогда это слово употреблялось довольно часто.) Он прямо закашлялся. “Ну, – го-

ворит, – совсем освободить твоего Сереньку мы, конечно, не сможем, но отсрочку дадим. А потом призовем в хорошее место. Писарем, под Москвой. Будет в увольнение домой ездить”. Вот так».

А наша квартира выходила только на черный ход, потому что из подвала хода на парадную лестницу не было.

Однажды к нам на черный ход пришел точильщик. Домработницы из маршальско-министерских квартир приташили ножи. Я стоял и смотрел на искры, снопом бегущие из-под лезвия, которое звенело, касаясь вертящегося круглого камня.

Домработница тети Кати Фурцевой куда-то задевалась. Точильщик был хромой. Он попросил меня отнести ножи на четвертый этаж. Сказал цену – девять рублей. Я взбежал наверх, постучал. Открыла сама тетя Катя, в красивом домашнем платье. Она улыбнулась и дала мне десятку. Я побежал вниз и отдал деньги точильщику. Он дал мне рубль сдачи.

Я помчался назад, затарабанил в дверь и протянул тете Кате рубль: «Вот сдача!» Она сказала: «Ну что ты, мальчик! Возьми рублик себе!» – «Зачем?» – растерянно спросил я. «Ну... – задумалась тетя Катя. – Ну, положи в копилочку».

Именно так она сказала и закрыла дверь. У меня не было копилочки. Я пошел вниз, размахивая рублем, ибо тогда, до реформы 1961 года, он был размером в небольшую салфетку. Особенно по сравнению с пятилетним мальчиком, то есть со мной.

У дверей нашей квартиры я наткнулся на маму. Она спросила, откуда у меня рубль. Я рассказал. Она забрала у меня рубль, крепко схватила за руку и поволокла наверх. Она постучала, дверь открылась, мама сунула рубль тете Кате Фурцевой и сказала что-то вроде того, что мы не нуждаемся в подачках. Тетя Катя взяла рубль и что-то сказала вроде того, что не хотела обидеть.

Мама повернулась и пошагала вниз, держа меня за руку. Я понял, что произошло что-то очень важное – для меня лично. Мы к этому случаю никогда не возвращались. Даже папе не рассказали – не сговариваясь. Все было ясно и очень полезно.

